

УДК 34.349
DOI 10.52452/19931778_2022_2_80

О ПРОСТОМ ТОВАРИЩЕСТВЕ И ОСНОВНЫХ ЕГО МЕТАМОРФОЗАХ В ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ

© 2022 г.

Ю.Л. Мареев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

gp.kafedra@mail.ru

Поступила в редакцию 07.04.2022

Эта статья не могла бы появиться на свет и представлять какой-либо интерес как для теории, так и для практики, если бы не изменения последних лет, произошедшие в корпоративном и инвестиционном праве России. Именно они послужили движущим мотивом к написанию этой статьи, в которой автор, обескураженный внезапной переменой законодателя к рядовой вроде бы и уже в значительной мере скомпрометированной конструкции простого товарищества в области корпоративного строительства и корпоративных финансов (обновленная модель инвестиционного товарищества), не решился попытаться отыскать причины такой перемены в системных особенностях ординарного простого товарищества. Это вынудило его обратиться к непростой истории становления этого договорного обязательства в российской правовой системе и вслед за некоторыми другими (впрочем, немногими) авторами привело к выводу о корпоративной природе этого договора, которая одна и позволяет объяснить и большинство его «странных» особенностей, выделяющих его из синаллагматических договоров, и причину многих страхов, недоразумений и конфликтов, связанных с его практическим применением.

Ключевые слова: простое товарищество; договор о совместной деятельности; конструкция *societas* римского права; этапы становления конструкции простого товарищества в гражданском законодательстве России.

Некоторые цели до такой степени превышают средства отдельных лиц, требуют столь необходимого соединенного усилия многих, что об изолированном преследовании их не может быть и речи; для осуществления их товарищество представляется единственно мыслимою формою.

Р. Иеринг

Договор и обязательство простого товарищества занимают особое место в системе договорного обязательственного права. Первое, на что обращаешь внимание, это место, которое отводится данному юридическому институту в структуре ГК РФ¹. Трудно понять, почему его поместили сразу после договора о предоставлении для использования комплекса исключительных прав и после договоров об оказании услуг посредничества, считая, видимо, его последним поименованным договорным обязательством, содержание которого не поддается обычному описанию синаллагматического договора². Субъектный состав его терминологически уникально беден, все стороны (участники) одинаково именуются товарищами³, а содержание прав и обязанностей так же унифицировано, содержательно бедно и настолько абстрактно, что это позволяет другим договорным обязательствам довольно легко скрываться в его тени и нередко становится причиной многих конфликтов и даже судебных ошибок.

Возникнув в глубокой древности⁴ на основе патриархальной римской семьи, основным за-

нятием которой было сельское хозяйство, товарищество (*societas*)⁵ претерпело к настоящему времени значительные перемены, хотя и сохранило основные свои черты, позволяющие по-прежнему называть его прежним именем – товарищество.

В римском праве в эпоху Древнего Рима и почти весь период Республики товариществом считалась ассоциация – объединение нескольких лиц, объединяющихся для достижения определенных общих целей, не являющееся, в отличие от корпорации, самостоятельным субъектом права. Права и обязанности, связанные с деятельностью товарищества, всегда несли отдельные товарищи. Личная связь товарищей (вплоть до квалификации отношений между товарищами как *jus fraternitatis*) исключала перемену лиц: смерть или выход одного из товарищей всегда означала прекращение товарищества. Вступление в союз нового члена означало возникновение нового товарищества. Право собственности и иные права, приобретаемые от имени товарищества, считались принадлежащими товарищам. По долгам товарищества ответствен-

ность несли его товарищи (хотя и с предоставлением им *beneficium competentiae* – привилегии посильной ответственности) [11, с. 1]. Выдел доли и раздел имущества товарищества означали его прекращение. Друг перед другом товарищи отвечали только за *culpa in concreto* (за отсутствие обычной заботливости).

В последние годы Республики и в императорский период этот вид товарищества хотя еще и оставался распространенным, но уже утратил свое преобладающее значение. Его вытеснили товарищества в сфере торговли и промышленности, для которых братское право (*jus fraternitatis*) и связанные с этим особенности общего имущества и ответственности видоизменились до уровня, за которым следовало уже возникновение коммерческой корпорации [12, с. 166] [10, с. 327]. Первые, по мнению И. Пухана и М. Поленак-Акимовской, стали прототипом **гражданских товариществ (обществ гражданского права) или договоров о совместной деятельности**, вторые (*societates quaestus* – доходные или производственные товарищества) – предшественниками **промышленных и торговых товариществ** [13, с. 266–267].

В объяснениях к проекту Гражданского уложения говорится о том, что *societas omnium bonorum* «стало исходной точкой о римском учении о частном товариществе», унаследовавшем многие качества римского товарищества, основанного на общности всего имущества [14, с. 340].

По другому мнению, товарищество, носившее в римском праве название *societas omnium bonorum*, имеет мало общего с простым товариществом (обществом гражданского права, договором о совместной деятельности) сегодняшнего дня⁶. Гораздо ближе оно находится к общей собственности наследников и сообществу наследников, сообща управляющих наследственным имуществом⁷, и даже к общей собственности супругов⁸. Убедительным доказательством этому служит капитальное исследование римского товарищества П.Е. Соколовского⁹. И это товарищество наследников, согласно его выводам, не стало прототипом торговых товариществ, именовавшихся общим именем *contractus societatis* (*societas unius negotii*¹⁰ и *societas unius rei*¹¹) [9, с. 23], хотя в его время большинство ученых считали семейственный союз родственников естественным основанием всякого товарищества [17] [10, с. 326] [7] [18]¹². Причину такого заблуждения, по мнению П.Е. Соколовского, следовало искать в стремлении юристов того времени (главным образом немецких) отыскать в римском праве «зародыши едва ли не всех учреждений и

явлений нашего экономического и правового быта» и привычке отдельных авторов рассматривать конструкции римского права с точки зрения явлений, сложившихся позднее. Другая причина – в семейной форме ведения торговых дел в средневековой Италии, что было следствием влияния источников, не имеющих прямого отношения к римскому праву [9, с. 7].

Товарищества этого типа, получившие впоследствии название «товарищество общее», поскольку были основаны на общности всего наличного и будущего имущества участников в отличие от «товарищества частного», образуемого с определенными вкладами и для определенной цели¹³, в законодательстве западноевропейских стран относились к семейному и наследственному праву – к брачным договорам (Италия, Германия, Франция и др.), к брачным отношениям (Австрия) и не рассматривались юридической наукой в качестве разновидности простого товарищества [21, с. 768]. Более подробно об этом [14, с. 337–341].

Как убедительно показал П.Е. Соколовский, всякий *contractus socii* (договор товарищества), в котором точно не определялся предмет товарищества, классическими римскими юристами (Сабинном, Папинианом, Павлом и Ульпианом) по умолчанию считался заключенным на одно определенное предприятие (*societas unius rei*) [9, с. 15–18], и именно такое товарищество, создаваемое договором товарищества, а не *societas omnium bonorum*, более всего заслуживает названия архетипа современного простого товарищества, предусмотренного действующим ГК РФ¹⁴. В нем уже нет тех личных качеств братских связей, измену которым Цицерон сравнивал с уголовным преступлением. Осталась только их тень в виде умеренного доверительного характера отношений между лицами, объединяющимися в товарищество.

Россия по сравнению с другими европейскими странами (Италия, Франция, Германия), быстро взявшими на вооружение римскую конструкцию товарищества и усовершенствовавшими ее настолько, что она успешно используется и по сей день, поздно осознала необходимость введения ее в действующее законодательство.

По утверждению В.С. Ема, дореволюционная российская правовая наука и судебная практика различали два вида товарищеских договоров:

- 1) договор простого товарищества без образования юридического лица;
- 2) договор о создании товарищества в качестве юридического лица, или учредительный договор [23, с. 305].

Действительно, до XX века законодательству царской, а затем и императорской России

конструкция простого товарищества была неизвестна¹⁵.

Свод законов гражданских Российской империи (далее – Свод)¹⁶ товариществом именовал соединение нескольких лиц в один состав, действующих в одном **под одним общим именем** (ст. 2126). Только если соглашение предусматривало *ведение сообща какого-либо предприятия под одним общим именем*, его можно было именовать договором товарищества. Отсюда, например, соглашения о совместном строительстве дома и распределении доходов от пользования им после завершения строительства или о производстве продукции на «совместно устроенном заводе», приобретение какого-либо имущества в общую собственность и т.п. не могли рассматриваться как договор товарищества и не создавали такового¹⁷.

Предметом товарищества могли быть «всякого рода полезные и общему благу не противные предприятия по торговле, по страхованию, по перевозкам и вообще по какой бы то ни было промышленности» (ст. 2127)¹⁸. В Своде выделялись (1) товарищества полные, (2) товарищества на вере или по вкладам и (3) товарищества по участкам или компании на акциях (ст. 2128). При этом торговые товарищества регулировались Торговым уставом, а кредитные товарищества – Кредитным уставом. Трудовые товарищества или рабочие артели (предшественники производственных кооперативов) регулировались специальным законом 1902 г., а страховые товарищества – Положением о страховании работников от несчастных случаев¹⁹.

Под именем «товарищество» таким образом в это время объединялись различные союзные образования (объединения лиц): как правоспособные (юридические лица), так и неспособные²⁰. «Товарищество, – писал Д.И. Мейер, – представляется в различных видах: или оно соединяет двух или большее число лиц для постоянных каких-либо операций, или для предприятия, предполагающего целый ряд действий, так что представляется более или менее крепкое объединение нескольких лиц и эти лица составляют как бы одно промышленное лицо, живут под одним именем, под одною фирмою» [30, с. 4]²¹. Впрочем, продолжительность, постоянство такого объединения по Д.И. Мейеру не составляет сущности договора товарищества [30, с. 5].

К тому, что в современном гражданском законодательстве России получило наименование простого товарищества (договора о совместной деятельности), ближе всего были так называемые неформальные товарищества, т.е. союзы физических лиц, не подлежавшие ни регистрации, ни оглашению [29, с. 36]. Юридическим

основанием признания их служила ст. 1528 Свода, признающая любые договоры, составляемые по взаимному согласию договаривающихся лиц, предметом которых выступают имущества либо действия лиц, а цели непротивны законам, благочинию и общественным порядкам [25]¹. Такими товариществами в торговом обороте считались негласные товарищества (в немецком и французском праве – *stille Gesellschaft, société en participation*) и временные товарищества для ведения отдельных торговых дел. Оба этих вида характеризовало отсутствие внешних отношений, и это давало повод для наименования их неформальными товариществами [29, с. 41]. Отличительным признаком их является отсутствие общего наименования, и в отношениях с третьими лицами они не имели права ссылаться ни на существование своего товарищества, ни на условия своего договора о его создании, а третьи лица, напротив, такое право имели, если это соответствовало их интересам.

Негласное товарищество «составляется *не для создания особого субъекта правоотношений*, а лишь с целью на общие средства контрагентов (за общий счет) заняться каким-либо промыслом» [29, с. 41].

Законодательству Российской империи негласное товарищество, даже сами термины «гласное» и «негласное» товарищество, а значит, и различие гласных и негласных товариществ были неизвестны. Однако они признавались судебной практикой [29, с. 42]. Практика же признавала товарищескими договоры о создании товариществ «для особых дел и предприятий», которые обязывали лиц, заключивших их, и, не имея силы в отношении третьих лиц, сохраняют значение для определенных прав и обязанностей контрагентов, для взаимных расчетов товарищей и ликвидации товарищества [29, с. 43]. Такой вид товарищества А.П. Башилов квалифицировал как разновидность негласного товарищества, заключающегося в участии товарищей в чужом торговом предприятии [29, с. 43–44]. Сегодня мы назвали бы это инвестициями, аналогичными вкладам коммандитистов²², а договоры подобного рода вошли бы у нас в группу инвестиционных, и аналогичные договоры действительно довольно часто встречаются в современной российской судебной практике, квалифицируясь в зависимости от конкретных обстоятельств то как договор продажи будущей вещи, то как строительный подряд, то как аренда, то как простое товарищество²³.

Другим видом неформального товарищества являлись, по мнению А.П. Башилова, *временные товарищества*, создаваемые для «совер-

шения отдельных торговых дел». Они рассматривались указанным автором как разновидность негласного товарищества, одним из отличительных признаков которого была срочность его существования. Срок существования товарищества, по его мнению, являлся существенным условием договора о его создании. Вторым признаком являлось точное определение предмета деятельности такого товарищества. Создавались такие товарищества обычно для выполнения обязательств по казенным подрядам и поставкам, масштабы которых и требования к гарантиям по которым вынуждали подрядчиков обращаться к лицам, располагающим нужным капиталом и готовым принять участие в прибылях и убытках.

Простое товарищество прямо предусматривалось в Своде узаконений губерний Прибалтийских и в законодательных актах европейских государств. Поскольку в западноевропейских странах нормы о простом товариществе содержатся в гражданских кодифицированных законах, то в теории и практике их принято именовать гражданскими товариществами или обществами гражданского права в отличие от товариществ торговых. Название «простое товарищество» объясняется простым – главным образом применением к его правовому статусу общих правил обязательственного права, изъятие из которых не являются существенными: товарищество не является субъектом гражданского права, отдельным от его товарищей, каждый из которых несет ответственность перед третьими лицами лишь по сделке, им совершенной [14, с. 312].

Проект Гражданского уложения развил положения Свода и практики его применения, обобщил законотворческий опыт ведущих западноевропейских стран, достижения российской и зарубежной науки гражданского права²⁴. Наряду с общими положениями о товариществе в нем предусматривались уже отдельно нормы о простом товариществе, полном товариществе, товариществе на вере, негласном товариществе на вере, акционерном товариществе, товариществе с переменным составом, обществе взаимного страхования, городских кредитных обществах, земельных банках и трудовой артели [27, с. 356–357]. В составе общих положений проект ограничил создание товариществ целью извлечения прибыли: «по договору товарищества несколько лиц обязуются друг перед другом участвовать имущественными вкладами или личным трудом в совместном ведении торгового, промышленного или иного предприятия, направленного на получение прибыли» (ст. 605) [14]²⁵. Здесь уже нет положения об обязатель-

ном выступлении в обороте под общим именем, поскольку, во-первых, это правило оценивалось наукой и практикой как чрезмерно ограничительное, поскольку только полным товариществам предоставлялось такое право [14, с. 331], и, во-вторых, вводится новый поименованный вид товарищества – простое. Его появление объясняется существованием большого числа небольших и не рассчитанных на длительный срок предприятий, для которых простое товарищество представлялось самой подходящей юридической формой [14, с. 312]²⁶.

В соответствии со ст. 606 (ст. 2135 по состоянию на 1910 г.) проекта Гражданского уложения простым товариществом признавалось товарищество, в котором товарищи участвуют в прибылях и убытках по всем сделкам, относящимся к общему предприятию и заключенным кем-либо из товарищей, но перед третьими лицами каждый из товарищей отвечает лишь в силу заключенного с этими лицами договора. Оно рассматривалось в качестве одной из форм товарищества, применяемой к товариществам во всех случаях, когда договор товарищества не позволял говорить о какой-либо другой форме товарищества [14, с. 337, 341].

По образцу западноевропейских (главным образом в странах так называемой немецкой группы) товариществ простое товарищество в проекте не являлось юридическим лицом и отличалось от других товариществ тем, что товарищество это существовало только в отношениях товарищей между собой, оставаясь неизвестным третьим лицам, которые знали только отдельных товарищей, с которыми они совершали сделки [14, с. 343]. Тем самым в этом своем свойстве оно ближе всего стоит к современному негласному товариществу действующего ГК РФ.

Вклады товарищей в простое товарищество могли состоять из денег, имущества (движимого и недвижимого) или личного труда (ст. 608). Имущественный вклад мог передаваться как в общую собственность товарищей, так и в общее пользование. Общей собственностью товарищей считалось также имущество, приобретенное товарищами в процессе совместной деятельности. Общее имущество товарищества (товарищей) включало имущество, принадлежащее товарищам на праве общей долевой собственности, и имущество, находящееся в их общем пользовании. Никто из товарищей не мог требовать ни раздела общего имущества, ни выдела из него своей доли (ст. 617) вплоть до прекращения товарищества либо выхода из товарищества.

Управление делами (по современной терминологии «ведение дел») товарищества могло быть поручено одному или нескольким товари-

щам. В этом случае остальные товарищи устранялись от какого-либо участия в ведении дел и могли лишь оспаривать действия управляющих в случае, когда те выходили за пределы своих полномочий и/или действовали вопреки интересам товарищества²⁷. В случае отсутствия указаний о том в договоре действия по управлению товарищеским предприятием совершаются с согласия всех товарищей, если только ситуация требует незамедлительных действий с целью предотвращения грозящих товариществу убытков. По сделкам, совершенным за счет товарищества, ответственность несет заключивший их товарищ всем своим имуществом. Товарищ, действующий в интересах товарищества без полномочия, был вправе требовать возмещения понесенных расходов только в случае последующего одобрения своих действий всеми товарищами, а также в экстренных случаях и в случае получения обогащения (сбережения имущества) другими участниками товарищества.

Сказанным, разумеется, не исчерпывается содержание проекта о простом товариществе. В главе XVIII ему посвящены два раздела – «Общее положение» (ст. 605) и Отделение 1 «Простое товарищество», состоящее из подразделов I «Общие положения» (ст. 606–607), II «Отношения товарищей между собою» (ст.ст. 608–626), III «Отношения товарищей к третьим лицам» (ст. 627), IV «Прекращение товарищества» (ст.ст. 628–643). Техническая и политико-правовая характеристики этого проекта, которому так и не суждено было стать действующей частью российского правопорядка к тому моменту, когда работа над ним была окончена, поражают глубиной научной мысли, в них воплощенной, простотой и доступностью формулировок, красотой и понятностью юридического языка [33]²⁸. Труд этот, однако, не пропал совершенно, через короткое время возродившись, пусть и в довольно редуцированном к новым реалиям (иногда просто трудно узнаваемом) виде, в нормативных актах советского государства, таких как ГК РСФСР 1922 г., ГК РСФСР 1964 г., Основы законодательства Союза ССР и республик 1991 г., и, наконец, главными своими конструкциями воплотившись в действующем ГК РФ.

Советский период развития российского законодательства может быть поделен на два этапа: 1) период временной легализации частно-правовых правил о простом товариществе (1923–1929 годы – период НЭПа) и 2) период действия договора о совместной деятельности, представляющего собой форму простого товарищества, редуцированную к условиям административно-хозяйственной экономики. Между

ними был промежуток длиной почти в три десятка лет, когда такой конструкции фактически не существовало вообще. Характеризуя это время, О.С. Иоффе писал о том, что если в 20-е годы прошлого века проблемы различных товариществ (начиная от простого и кончая акционерным) занимали видное место в юридической науке, то к концу 20-х годов о них перестали даже упоминать. Лишь в учебной литературе продолжали излагать правила, касающиеся простого товарищества, «с оговоркой о скромных границах их практического применения». В середине 50-х годов ряд процессов в сфере экономической жизни Советского Союза (межколхозная кооперация и строительство многоквартирных жилых домов) послужили основой для реанимации конструкции простого товарищества в облике договора о совместной деятельности [35, с. 28].

В ГК РСФСР 1922 г. в разделе X «Обязательственное право» подраздел I (ст.ст. 276–294) был посвящен простому товариществу²⁹. Определение его явно несет на себе следы коммерческой модели, принятой на вооружение в проекте Гражданского уложения. По договору товарищества, говорилось в ст. 276, двое или несколько лиц обязуются друг перед другом соединить свои вклады и совместно действовать для достижения общей хозяйственной цели³⁰. Под хозяйственной целью понималось достижение определенного экономического результата, не связанного с организацией предприятия. Это была форма объединения лиц для совершения отдельных коммерческих операций [37, с. 773]³¹. Таким образом, для некоммерческих простых товариществ в этом нормативном акте места не нашлось. Первоначально в простом товариществе допускалось участие только физических лиц³², а в 1926 году было разрешено участие юридических лиц и даже государственных предприятий и учреждений³³.

Простое товарищество могло иметь свою фирму, под которой оно выступало в торговом обороте. Фирма должна была содержать фамилии всех товарищей и указание на вид товарищества («простое товарищество»)³⁴.

Вкладом признавалось все, что каждый товарищ вносит в общее дело, будут ли это деньги, другое имущество или услуги³⁵ (ст. 277). Как в проекте Гражданского уложения, вклады могли быть различны по роду и ценности и признавались равными, если договором не предусматривалось иное (ст. 278). И точно так же вносимые в качестве вклада деньги и потребляемые и заменимые вещи поступали в общую собственность товарищей, а всякое иное имущество считалось находящимся в общем поль-

зовании, если договором не устанавливалось иное (ст. 279). Отличительной особенностью в сравнении с проектом Гражданского уложения была норма, согласно которой вклады товарищей и все приобретенное товариществом за свой счет составляло складочное имущество товарищества (ст. 280). Эта норма никак не вписывалась в модель простого товарищества, не признаваемого самостоятельным субъектом гражданского права, в котором речь может идти только об общем имуществе товарищей.

Управление делами в простом товариществе в основном воспроизводило положения проекта Гражданского уложения. Ведение дел должно было производиться с общего согласия всех товарищей, но договором могло предусматриваться, что для этого достаточно большинства голосов, которое по умолчанию (если иное не предусматривалось договором) определялось не по доле участия, а по числу товарищей (принцип поголовного голосования, как в кооперативе). Для ведения могли быть избираемы уполномоченные лица, права и обязанности которых могли определять договором товарищества либо доверенностью, подписанной всеми товарищами. В этом случае остальные товарищи отстранялись от ведения дел (ст. 281).

Товарищ, совершивший какие-либо действия в интересах товарищества, не имея на это полномочий, имел право на возмещение расходов, если у него были основания признавать эти действия необходимыми (ст. 283). Это сильно отличается от проекта, который допускал такое только в случае последующего одобрения таких действий товарищами либо получения выгоды товарищами от этих действий. Кроме того, основанием могла служить ситуация, в которой промедление с действиями грозило убытками товариществу.

Во внутренних отношениях товарищ за нарушение своих обязанностей должен был отвечать по общим правилам об ответственности за нарушение обязательств, вытекающих из договоров (ст. 284).

Каждый товарищ имел право на информацию о положении дел в товариществе, включая право знакомиться с его книгами и бумагами (ст. 285).

По общим обязательствам перед третьими лицами товарищи несли ответственность соответственно доле участия либо (по договору) в равных долях. Солидарная ответственность не допускалась (ст. 287).

Участие товарищей в распределении прибылей и убытков определялось договором. Если договор таких правил не содержал, то на вклад каждого начислялись проценты в размере, определяемом Государственным банком. Оставшаяся нераспределенной часть прибыли должна была делиться поровну (ст. 288).

Основания прекращения товарищества в целом также повторяли аналогичные положения проекта Гражданского уложения, отличаясь от них главным образом редакцией. Такими основаниями признавались: 1) смерть кого-либо из товарищей; 2) объявление кого-либо из товарищей недееспособным или несостоятельным; 3) вследствие заявления кем-либо из товарищей требования о прекращении бессрочного товарищества; 4) вследствие досрочного отказа одного из товарищей от участия в товариществе, учрежденного на определенный срок; 5) истечение срока, на который было создано товарищество; 6) вследствие достижения или наступившей невозможности достижения цели товарищества; 7) вследствие требования кредитора, обратившего взыскание на долю одного из товарищей в складочном имуществе; 8) соглашение товарищей о прекращении товарищества (ст. 289). Условия, порядок и последствия прекращения за малыми изъятиями представляют собой повторение положений проекта Гражданского уложения: возможность продолжения деятельности товарищества в случаях 1, 2, 3, 4 и 7 на тех же самых условиях: согласие оставшихся товарищей или договор простого товарищества, предусматривающий такую возможность. Наследников умершего можно было принимать в товарищество, если это предусмотрено договором товарищества. Кредитор, требование которого служит основанием обращения взыскания на долю товарища, не обязательно должен был предъявлять требование о прекращении товарищества. В этом случае он получал право на участие в прибылях товарищества, но не приобретал каких-либо прав или обязанностей товарища.

То же самое можно сказать и о ликвидации дел товарищества в случае его прекращения. Предметы, переданные в общее пользование, подлежали возвращению внесшим их товарищам без выплаты им вознаграждения. Общее имущество распределялось между товарищами только после удовлетворения долгов по общим обязательствам. «Вещественные» вклады возвращались деньгами по оценке, устанавливаемой договором, а при ее отсутствии – по стоимости на момент внесения вклада. При недостаточности общего имущества для удовлетворения или обеспечения долгов недостающая сумма должна быть пополнена товарищами в пределах приходящейся на каждого из них доли. В случае несостоятельности одного из товарищей приходящаяся на его долю часть убытков также распределяется между остальными товарищами на том же основании.

Содержание ГК РСФСР 1922 года в части, относящейся к простому товариществу, явля-

лось, конечно, бледной копией проекта Гражданского уложения и оставляло без ответа многие вопросы, которые неизбежно возникли бы в процессе деятельности простого товарищества, будь для этой деятельности надлежащие условия рыночного хозяйства и более продолжительный срок для существования этих стихийно возникающих рыночных образований, закончившийся в 1929 году решительным поворотом от новой экономической политики к централизованно управляемой административно-плановой экономике³⁶. Простота и лаконичность, которую разработчики проекта Гражданского уложения считали необходимой и достаточной для неспособных образований типа простого товарищества, были низведены авторами первого Гражданского кодекса РСФСР до минимально необходимого для их выживания с возможностью восполнения неизбежных пробелов подзаконными актами органов исполнительной власти и судебной практикой.

В ГК РСФСР 1964 г. простое товарищество уже даже не упоминалось. Вместо него в главе 38 «Совместная деятельность» был предусмотрен институт договора о совместной деятельности, юридическая сущность которого и сама формулировка этой сущности были заимствованы из ГК РСФСР 1922 г. Однако в отличие от последнего здесь прямым текстом говорилось сразу о двух принципиально различных видах совместной деятельности и соответственно о двух разных договорах совместной деятельности: совместной деятельности колхозов и совхозов и совместной деятельности граждан. В соответствии с ч. 1 ст. 434 «по договору о совместной деятельности стороны обязуются совместно действовать для достижения общей хозяйственной цели, как-то: строительство и эксплуатация межколхозного либо государственно-колхозного предприятия или учреждения (не передаваемых в оперативное управление организации, являющейся юридическим лицом), возведение водохозяйственных сооружений и устройств, строительство дорог, спортивных сооружений, школ, родильных домов, жилых строений и т. п.». А согласно ч.ч. 2 и 3 этой же статьи «граждане могут заключать договор о совместной деятельности лишь для удовлетворения своих личных бытовых нужд. Договоры о совместной деятельности между гражданами и социалистическими организациями не допускаются».

Для достижения цели договора участники должны были производить взносы (а не «вносить вклады», как было до этого) деньгами или другим имуществом либо путем трудового участия. Имущественные взносы, а равно созданное или приобретенное в результате их сов-

местной деятельности, признавались их общей собственностью, долями в которой каждый из участников не мог распоряжаться без согласия остальных участников (ст. 436).

Дела в таком коллективном образовании по умолчанию должны были вестись совместно (по общему согласию). Однако участники могли поручить руководство делами одному из участников («руководство совместной деятельностью») и «ведение общих дел участников договора»). Полномочие на ведение общих дел должно было оформляться доверенностью, подписываемой всеми участниками (ст. 435). Договор уже не рассматривался в качестве документа, который по ГК 1922 г. также мог подтверждать указанное полномочие.

Расходы и убытки должны были покрываться в порядке, устанавливаемом договором, а при отсутствии в нем данных положений – за счет общего имущества участников. При недостаточности такового оставшаяся сумма должна была распределяться между участниками пропорционально их взносам (ст. 437).

Всего этому институту было посвящено 4 статьи. Так что в сравнении с ГК РСФСР 1922 года был сделан еще один шаг к снижению уровня нормативно-правового регулирования этих отношений, роль которых в сравнении с другими гражданско-правовыми конструкциями оценивалась таким образом не слишком высоко. Подтверждением этому служила ст. 438 ГК, которая предусматривала, что отдельные виды совместной деятельности регулируются в соответствии с настоящим Кодексом постановлений Совета Министров.

Нормы эти легализовали на уровне закона отношения, сложившиеся во второй половине 50-х годов. И до 1964 года они регулировались исключительно подзаконными нормативными актами. Нормы ГК 1922 г. о простом товариществе к этим отношениям не применялись. Исключение составляли договоры простого товарищества, заключаемые гражданами исключительно в случаях возведения ими сообща жилых строений и дачных помещений либо на праве общей собственности, либо путем последующего закрепления в индивидуальной собственности за каждым из них отдельной квартиры в построенном многоквартирном доме. Обязательства по совместной деятельности, по утверждению О.С. Иоффе, таким образом, были представлены двумя договорами – договором товарищества и договором о межколхозной деятельности [40, с. 454–456].

Доктринальное определение этому договору, поскольку легального определения не было и содержание норм ГК его не раскрывало, выглядело следующим образом: «по договору о сов-

местной деятельности двое или несколько лиц обязуются друг перед другом соединить свои вклады и совместно действовать для достижения общей хозяйственной цели» [41, с. 347]³⁷.

Последним законом о совместной деятельности (простом товариществе), принятым накануне распада Советского Союза, стали Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик. В нем уже легально закреплялось разработанное доктриной определение договора и возрождалось понятие простого товарищества в качестве синонима договора о совместной деятельности. «По договору о совместной деятельности (договору простого товарищества) стороны (участники) обязуются путем объединения имущества и усилий совместно действовать для достижения общей хозяйственной или другой цели, не противоречащей законодательным актам» (ст. 122). Это определение в главном воспроизводило смысл, который российский законодатель в свое время пытался еще в XIX столетии вложить в понятие простого товарищества в проекте Гражданского уложения. Статья 123, закреплявшая правила ведения общих дел, восстановила возможность ведения дел большинством голосов участников и воспроизвела положение ГК РСФСР о возможности избрания из числа участников уполномоченного, руководящего их совместной деятельностью. На него в этом случае возлагалось и полномочие по ведению общих дел, удостоверяемое доверенностью, подписываемой всеми участниками. Нормы об общем имуществе (ст. 124) содержали следующие новеллы. Во-первых, за участником договора признавалось право самостоятельно распоряжаться той частью продукции и доходов от совместной деятельности, которая поступает в распоряжение каждого из участников, а в остальном даже своей долей в общем имуществе он был не вправе распоряжаться без согласия остальных товарищей. Во-вторых, имущество, объединенное для совместной деятельности, подлежало учету на отдельном балансе у того участника, на которого было возложено ведение общих дел. Основы, в отличие от всех предыдущих законов о простом товариществе, не содержали никаких специальных правил о распределении результатов совместной деятельности, представляя установление этих правил договору о совместной деятельности (ст. 125).

Примечания

1. Договор товарищества, насколько можно понять, автор относил к нетипичным договорам: «Осуществляя свои цели в гражданском обороте, лицо (физическое или юридическое) вступает в самые

различные договоры и чаще всего, конечно, в вышеизложенные типичные договоры (§ 33–35). Но отдельных усилий лица, в особенности физического, далеко не всегда достаточно для достижения намеченных им целей; не всегда к тому же лицо располагает и большими средствами, необходимыми для дела. Вот почему отдельные лица (безразлично, физические или юридические) стремятся действовать сообща, соединяя в той или другой комбинации свои средства и свои силы».

2. Здесь только два примера. В учебнике под ред. Б.М. Гонгало этот договор (гл. 53, автор главы – Д.В. Жернаков) вообще рассматривается в разделе «Другие договорные обязательства» вместе с обычно в странах континентального права не включаемой в число поименованных договоров коммерческой концессией, муниципальными и государственными контрактами и даже с проведением игр и пари [3]. Последние проф. Е.А. Сухановым, например, рассматриваются как обязательства из односторонних сделок [4]. В учебнике под ред. Е.А. Суханова простое товарищество вначале относилось к группе договорных обязательств по совместной деятельности [4, разд. XIV], а затем фактически было включено в группу прочих обязательств [5, разд. XV].

3. «Многочисленные члены товарищеского договора не разделены на две стороны, активную и пассивную, но все находятся в одинаковом юридическом положении. Каждый участник договора по отношению ко всем прочим участникам имеет права и несет обязанности, являясь одновременно активным и пассивным субъектом» [6, с. 388].

4. Момент возникновения института товарищества относится к столь отдаленному прошлому, что определить его сколько-нибудь точно не представляется возможным (В.С. Ем, П.Е. Соколовский, В.Н. Шретер). В.В. Leist писал, что ответ на этот вопрос обычно как нечто само собой разумеющееся ставится в зависимость от установления возраста консенсуального контракта, но сам считал его возраст еще более древним, связанным с подчинением детей родительской власти (*obsequium*), когда дети вместе с родителями образуют *societas* [7, S. 3, 4]. Обзор мнений по последнему вопросу содержится в работе Г. Данца [8, S. 68]. А П.Е. Соколовский даже называет это товарищество «первобытным» [9, с. 15].

5. По Г. Дербургу в Древнем Риме почти весь период Республики договор *societas omnium bonorum* носил не меркантильный, а семейный и аграрный характер. Он «возник в связи с общностью имущества между сонаследниками, в особенности агнатами; на основании этого договора они сплачивались в союз – *consortium* – для совместного ведения хозяйства на наследственном участке и в то же время, несомненно, для вооруженной защиты от нападений разбойников...» [10, с. 326]. Русский исследователь римского товарищества П.Е. Соколовский вообще не считал договор основанием возникновения данного товарищества, объединяющего наследников имущества главы римского семейства (*pater familias*) – его сыновей (вначале только *filias familiae*, а позднее и *filias emancipate*). Это объединение возникало по умолчанию и существовало до тех пор, пока наслед-

ники не приступали к разделу наследства. Исключением были случаи присоединения к товариществу сыновей, освобожденных из-под отеческой власти до смерти отца семейства. Более того, он не считает его и старейшим типом товарищества римского права: рядом и одновременно с *societas omnium bonorum* существовали и другие типы товарищества [9, с. 27 и след., с. 20].

6. Об этом писал И.В. Елисеев: «Строго говоря, простое товарищество стоит ближе всего к таким разновидностям *societas* в римском праве, как *societas unius negotii* и *societas quaestus*» [15, с. 762].

7. В этом свете кажется более понятным происхождение ограничения ответственности наследников по долгам наследодателя размерами наследуемого имущества. Оно кажется слепком с усиленной ответственности (*beneficium competentiae*) товарищей, возникшей первоначально именно в *societas omnium bonorum* благодаря преторской практике.

8. Об этом см.: Победоносцев К.П.: «новейшие законодательства не допускают римской формы полного общения по договору» [16, гл. 8, § 60].

9. См. об этом: Соколовский П.Е. [9, гл. 2]. Сам автор считал позднейшими историческими аналогами *societas omnium bonorum* родовую общину древнегерманского права (*Markgenossenschaft*), задругу южных славян, большую великорусскую семью, договор *societas omnium bonorum* между супругами по прусскому земскому уложению – везде, где «общность всего имущества, свойственная этимъ союзам, мыслима лишь при такой форме общежития, которая все имущественные интересы соединяет в одно целое, а это бывает только между людьми, связанными узами брака или кровной родства» [9, с. 37, 40]. *Societas omnium bonorum* «имеет скорее семейно-нравственное, чем строго деловое значение» [9, с. 41].

10. *societas unius negotii* – товарищества <создаваемые для> торговли.

11. *societas unius rei* – товарищества <создаваемые для> одного дела.

12. Это мнение, как мы видели, до сих пор продолжает культивироваться романистами и некоторыми видными российскими цивилистами. Во фрагменте «Институций» Гая, найденном позднее, в 1933 году, говорится: «Некогда по смерти отца семейное имущество являлось для наследника неким законным и естественным товариществом. ... В *этом товариществе братьев и других лиц, которые соединились в товарищество по примеру братьев...*». Вероятно, именно этот отрывок укрепил сторонников первой точки зрения в том, что *societas omnium bonorum* – прототип всех последующих видов товарищества [19, с. 487–488].

13. В старой редакции Кодекса Наполеона товарищества делились на общие и частные. Общее товарищество разделялось на товарищество по всем имуществам настоящим и товарищество по всем прибылям. Частным товариществом считалось такое, которое обнимало собою только известные и определенные вещи, или пользование ими, или плоды, какие можно из них извлекать (ст.ст. 1835, 1836, 1841 ФГК) [20].

14. М.И. Брагинский совершенно справедливо писал, что данное «представление о соответствующи-

х правовых конструкциях оказалось более близким современным воззрениям на ту же конструкцию» [22, с. 523].

15. Формат статьи не позволяет сколько-нибудь подробно останавливаться на истории становления конструкции простого товарищества в других странах, хотя бы даже и самых продвинутых в этом отношении (Германия, Италия, Франция, Швейцария). Заметим только, что оно существовало под разными именами. Термин «простое товарищество» использовался далеко не везде (Швейцарский закон «Об обязательствах» именовал его именно так (*einfache Gesellschaft*), но во всех остальных случаях у него были другие названия – «обыкновенное» («*gemeine*» – Гражданское уложение Цюрихского кантона, Дрезденский проект всеобщего германского закона 1866 г. об обязательственных отношениях), «товарищество вообще» (Калифорнийское гражданское уложение) или просто «товарищество» (Австрия, Бавария, Германия, Голландия, Италия, Испания, Пруссия, Саксония, Франция)).

16. Положения о товариществе находились в составе Раздела третьего «**Об обязательствах по договорам на имущества в особенности**», в главе 6 «**Товарищество**», предпоследней в разделе, после которой находилась глава «О страховании». Положение это также не поддается объяснению с позиций внешней системы гражданского права. [24, с. 698 и далее]. Впрочем, такие авторы, например, как В.И. Синайский, ставили их в один ряд с договорами об оказании услуг поклажи (хранения) и страхования, выделяя группу договорных обязательств, направленных на содействие в достижении благ и их охранение [25]. А.С. Жернаков объясняет это просто тем, что договор этот по своей природе выпадает из классификационного ряда остальных договорных обязательств: «конструкция договора простого товарищества кардинально отличается от традиционной конструкции имущественных договоров» [3, с. 485].

17. «Романская система (имеется в виду главным образом влияние французского законодательства и прежде всего Кодекса Наполеона. – Ю.М.) была всецело перенята дореволюционным правом... Товарищество сходу было юридическим лицом. Некоторые последствия наступали с опубличиванием (направлением циркуляра о создании товарищества). Простых товариществ не было» [26].

18. По мнению А.М. Гуляева, это слишком узкое определение предмета товарищества есть следствие преобладания коммерческой точки зрения на конструкцию товарищества [27, с. 356]. Впрочем, А.А. Квачевский, например, вообще полагал, что «по общим положениям права предмет договора не может быть определен и ограничен, так как человеческие потребности, для удовлетворения которых существуют договоры, весьма разнообразны, неуловимы и с течением времени и обстоятельств, разных изменений в общественной жизни, умножаются, усложняются, изменяются... все дозволено, что не запрещено общим благом и законом, что свобода в действиях есть непрерывное условие жизни и сделок, а запрещение есть исключение из этого основного начала общественного устройства» [28, с. 19].

19. Простого товарищества в России легально просто не существовало. Это объясняет, почему в курсе К.П. Победоносцева о нем не говорится ни слова.

20. Юридическими лицами в то время считались только товарищества по участкам или компании на акциях. «Полные товарищества, товарищества на вере и товарищества на вере с участием пайщиков, – писал А.П. Башилов, – представляются товариществами в собственном и тесном смысле слова, как союзы лиц, возникающие по частному соглашению, выражаемому в договоре. Как частные союзы, они занимают среднее место между отдельными физическими лицами и собственно юридическими лицами: это, так сказать, коллективные лица» [29, с. 37].

21. О простом товариществе в нынешнем понимании этого явления в данной работе Д.И. Мейера, как и в Своде законов, нет ни слова, поскольку товарищества по закону могли быть полными, на вере либо по участкам или компаниями (акционерными обществами).

22. Еще А.П. Башилов констатировал наличие такого сходства негласного товарищества с командитой, обозначив основные отличия участника такого негласного товарищества от займодателя, а соглашения об участии в таком товариществе от договора займа [29, с. 44–45].

23. См., напр., дело № А65-22184/2015, дело № А40-39628/13.

24. К моменту окончания работы над ним уже высказывались обоснованные предложения о необходимости расширительного толкования ст. 2126 Свода и считать товариществом всякое объединение лиц и имущества, предметом которого является хозяйственное предприятие, преследующее цель получения прибыли, независимо от того, образовано ли оно по форме, прямо предусмотренной законом, либо не предусмотрено им, к числу которых относится и простое товарищество [14, с. 332–333].

25. По состоянию на 1910 год это была уже ст. 2135 [21, с. 762].

26. Что же касается цели получения прибыли, то это не рассматривалось комментаторами как невозможность создания товариществ для некоммерческих целей, поскольку закон (ст. 2126 Свода и ст. 605 (2134) проекта Гражданского уложения) имеет в виду и «всякое другое соединение лиц, образовавшееся и не с целью приобретения, а преследующее всякие другие (общепользные) цели, ибо сущность товарищества состоит не во одном только соединении лиц, а в соединении имущественных средств или труда товарищей» [14, с. 331].

27. Таким образом, вопреки утверждению В.С. Ема [31, с. 306] личное участие в простом товариществе 20-х годов требовалось только до 1924 года, после чего стало необязательным, на что, в частности, указывает и цитируемый им В.Н. Шретер [32, с. 150].

28. О том, что не все современники одинаково оценивали этот документ, работа над которым в общей сложности заняла более трех десятилетий, подробнее см. [34].

29. Сам термин «простое товарищество» был, как об этом писали Н.Г. Вавин и А.Э. Вормс, позаимствован из швейцарского закона об обязательствах [36, с. 4].

30. Тем самым произошла замена фундаментального признака простого товарищества, который в проекте Гражданского уложения был сформулирован как «совместное ведение предприятия» (торгового, промышленного или какого-либо другого) (ст. 605) на «совместную деятельность для достижения общей хозяйственной цели». Эта на первый взгляд чисто редакционная правка на самом деле означала коренное изменение юридической сущности простого товарищества, ибо «совместное ведение предприятия» и лингвистически и по существу охватывало более широкий спектр взаимодействия товарищей в рамках локальной хозяйственной кооперации, чем только «совместная деятельность». И то, что вначале эта совместная деятельность всегда предполагала личное участие, а затем была вынужденно подвергнута расширительному толкованию, не в последнюю очередь было результатом такой «редакционной правки», которой, очевидно, хотели исключить финансовое участие в совместной деятельности товарищей.

31. Отсюда не совсем точным представляется утверждение В.Н. Шретера о том, что «простое товарищество – это всеобщая форма, главным образом, рассчитанная на гражданский оборот». [32, с. 154]. Хозяйственный оборот, о котором говорилось в ст. 276 ГК 1922 г., трудно отождествлять с гражданским. А применение норм о простом товариществе в 20-х годах позволяет утверждать, что речь идет в том числе и даже преимущественно о хозяйственном, а значит, по терминологии В.Н. Шретера, и о «торгово-промышленном» обороте. Да и сам В.Н. Шретер вопреки своей же только что выраженной позиции совершенно верно пишет о том, что простые товарищества могут учреждаться для достижения любой хозяйственной цели, в том числе для производства торговли или иного промысла [32, с. 154]. Однако затем на стр. 156 опять пишет о том, что ГК предназначает простое товарищество для целей неторговых.

32. «Объединение нескольких лиц для совместного ведения торгового или промышленного предприятия происходит в обстановке Советской России прежде всего в целях соединения личных сил и знаний участников, желающих по возможности избегать пользование наемным трудом» [36, с. 3–4].

33. М.Б. Жужалов в этой связи совершенно точно замечает, что «ГК РСФСР 1922 года попытался сочетать простые товарищества с "торговыми" (полным и на вере)... к этому механическому соединению разнородных институтов восходит проблема налогового режима товариществ – юридических лиц, которая до сих пор странным образом никак не решена: либо товарищество должно быть "прозрачно", а товарищи одни налогоплательщики, либо товарищество платит налоги с дохода/прибыли за товарищей» [26].

34. Данное положение явно сближало простое товарищество с полностью правосубъектными образованиями типа полного товарищества. И Свод законов, и проект Гражданского уложения исключали наличие общего имени для простого товарищества. Оно проявляло себя в обороте только через своих участников, действовавших либо от собственного

имени, либо так же в качестве уполномоченных остальных товарищей по доверенности.

35. В отличие от проекта, где перечень объектов, которые могли вноситься в качестве вклада, был более обширным и более конкретным и не включал услуг, но только работу, выполнявшуюся товарищем лично. Впрочем, в понятие «услуги» включались и работы, в том числе личное трудовое участие, лишь бы таковое не входило в понятие ведения общих дел [22, с. 560], где автор приводит ссылки на работы В.Ю. Вольфа, С.Н. Ландкофа, Н.Г. Вавина и А.Э. Вормса.

36. Довоенный учебник 1938 года отводил характеристике простого товарищества всего 4 страницы. Помимо прочего, в нем говорилось: «Сфера применения договора товарищества в нашем обороте вообще невелика. Государственные органы в своей постоянной работе не прибегают к договору товарищества... отдельные граждане могут также вступать между собой в отношения товарищества по поводу имущества, принадлежащего им на праве личной собственности. В практике довольно часто встречаются случаи совместной постройки дач.... Договор товарищества в настоящее время является у нас по преимуществу бытовым договором» [37, с. 372–373]. В учебнике 1951 года, изданном под общей редакцией С.Н. Братуся, в главе XV (авторство которой осталось необъявленным) говорится: «В настоящее время обычной формой объединения граждан в хозяйственных целях являются колхозы и другие кооперативные организации... и только в весьма редких случаях граждане прибегают к договору простого товарищества (например, при совместной постройке дачи). Еще более редко заключаются договоры простого товарищества между социалистическими организациями» [39, с. 284]. Всего этой главе в данном учебнике было отведено 5 страниц, что можно уже рассматривать как показатель неактуальности данной конструкции, формально легальной, но уже не востребованной юридической практикой. Ссылка на совместное строительство дач, отвод земель под которые в те времена был явлением исключительным, распределение строительных материалов в возрождающейся после военной разрухи стране – строго централизованным, а уровень жизни большинства граждан граничил с нищетой, может быть воспринята если не как глубоко скрытая ирония, то как попытка найти хоть какое-нибудь оправдание сохранению этой конструкции в действующем ГК, который не удалось, как планировалось к этому времени, заменить на ГК СССР.

37. Еще более кратким оно было у В.Ф. Яковлева: «Данный договор представляет собой соглашение, по которому стороны обязуются совместно действовать для достижения общей хозяйственной цели» [42, с. 309].

Список литературы

1. Кетц Х., Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. Т. 1. Основы / Пер. с нем. М.: Международные отношения, 1988. 480 с.

2. Planiol M. Traité élémentaire de droit civil / Marcel Planiol, Georges Ripert. Т. 1: Principes généraux, personnes, biens 3e éd. Paris: Librairie Générale de Droit et de Jurisprudence, 1946. XIV, 1292 p.

3. Жернаков Д.В. Глава 53. Простое товарищество // Гражданское право. Учебник в 2 т. Т. 2. 2-е изд. перераб. и доп. / Под ред. Б.М. Гонгалов. М.: Статут, 2017. С. 482–487.

4. Суханов Е.А. Глава 54. Обязательства из односторонних сделок и действий в чужом интересе // Гражданское право. Т. II: Полумом 2 для вузов / Отв. ред. Е.А. Суханов (Б-ка студента). М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 342–358.

5. Суханов Е.А. и др. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II. Обязательственное право. 2-е изд., стереотип. / Отв. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. 1208 с.

6. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. В 4 т. Т. 1. Введение. Торговые деятели. СПб: Бр. Башмаковы, 1908. IV, 515 с.

7. Leist B.W. Zur Geschichte der römischen societas. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1881. 56 S.

8. Danz H. Lehrbuch der Geschichte des römischen Rechts Nachdruck der Ausgabe von 1873. Lizenzpflichtig. Vom Verlag als Druckwerk on demand und/oder als E-Book angeboten. Norderstedt: Hansebooks GmbH, 2016. 216 S.

9. Соколовский П.Е. Договор товарищества по римскому гражданскому праву. Киев: Тип. Ун-та св. Владимира (В.И. Завадского), 1893. X, 304 с.

10. Дернбург Г. Пандекты. Т. 2. Обязательственное право / Пер. под ред. П. Соколовского. 2-е изд. М.: Университетская типография, 1911. 490 с.

11. Ефимов В.В. Посильная ответственность должника. Исследование beneficium competentia. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. 306 с.

12. Дернбург Г. Пандекты. Т. 1. Общая часть: Учебник / Пер. Г. фон Рехенберга; под рук. и ред. П. Соколовского. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1906. 481 с.

13. Поленак-Акимовская М., Пухан И. Римское право: Базовый учебник / Пер. с македонского. М.: Зерцало-М, 2003. 448 с.

14. Гражданское Уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект Выс. учрежд. Ред. комис. по сост. гражд. улож. Том третий. Ст.ст. 505–718 с объяснениями: Сборник документов. СПб: [б.и.], 1899.

15. Елисеев И.В. Глава 48. Простое товарищество // Гражданское право: Учебник. Т. 2. Издание четвертое, перераб. и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2003. С. 762–778.

16. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 3: Договоры и обязательства: Учебник (Классика российской цивилистики). М.: Статут, 2003. 622 с.

17. Salkowski C. Bemerkungen zur Lehre von den Juristischen Personen, insbesondere den sogenannten corporativen Societäten und Genossenschaften. Leipzig: Tauchnitz, 1863. VIII, 69 S.

18. Lenel O. Edictum perpetuum: ein Versuch zu dessen Wiederherstellung. Leipzig: Tauchnitz, 1883. XXIV, 455 S.

19. Перетерский И.С. и др. Римское частное право: Учебник / Под ред. Новицкого И.Б., Перетерского И.С. М.: Изд-во «Зерцало», 2012. 560 с.
20. Кодекс Наполеона. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Кодекс_Наполеона/Книга_3/Раздел_IX.
21. Гражданское уложение: Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. Т. 2 / Сост. Саатчиан А.Л.: Сб. документов / Под ред. Тютрюмова И.М. СПб: Издание книжного магазина «Законоведение», 1910. 1362 с.
22. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга пятая. Т. 1. Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований. М.: Статут, 2006. 736 с.
23. Ем В.С. Глава 52. Договор простого товарищества (о совместной деятельности) // Гражданское право. Т. II: Полугом 2 для вузов / Отв. ред. д.ю.н., профессор Е.А. Суханов (Б-ка студента). М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 304–327.
24. Боровиковский А.Л. Законы гражданские (т. X ч. 1) с объяснениями по решениям Гражд. касс. департ. Правит. Сената. Изд. 11-е. СПб.: Тип. А. Суворина, 1904. 926, XL.
25. Синайский В.И. Русское гражданское право. Вып. II. Обязательственное, наследственное и семейное право. Киев: Тип. Р.К. Лубковского, 1915. 511 с.
26. https://zakon.ru/blog/2018/10/30/vavinforms_tovarishestva_prostoie_polnoe_i_na_vere_2-e_izd_1928.
27. Гуляев А.М. Русское гражданское право: Обзор действующего законодательства и проекта Гражданского уложения. Конспект к лекциям Изд. 2-ое, дополненное. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1911. 472 с.
28. Квачевский А.А. О товариществах вообще и акционерных обществах в особенности, по началам права, русским законам и судебной практике. В общедоступ. излож. Ч. 1: О товариществах вообще / Отт. из «Журн. гражд. и уголов. права». 1880, кн. 4–6. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1880. 186 с.
29. Башилов А. Неформальные товарищества и товарищества на паях // Журнал Министерства юстиции. 1904. № 3–4. С. 36–56.
30. Мейер Д. Договор товарищества по русскому праву: Из лекций // Журнал Министерства Юстиции. 1862. Кн. 4. С. 1–23.
31. Ем В.С., Козлова Н.В. Глава 52. Договор простого товарищества (о совместной деятельности) // Гражданское право. Учебник: В 2 т. Т. II. Полугом 2 / Под ред. Е.А. Суханова. М.: БЕК, 2000. С. 304–327.
32. Шретер В.Н. Советское хозяйственное право. (Право торгово-промышленное). М.–Л: Государственное издательство, 1928. 332 с.
33. Бевзенко Р.С. 12-томное издание проекта Гражданского уложения Российской империи с мотивами разработчиков. URL: https://zakon.ru/blog/2015/9/10/12tomnoe_izdanie_proekta_grazhdanskogo_ulozheniya_rossijskoj_imperii_s_motivami_razrabotchikov.
34. Томсинов В.А. Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX – начале XX века // Законодательство. М., 2015. №№ 2–12; 2016. №№ 1–7.
35. Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Часть 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 160 с.
36. Вавин Н.Г., Вормс А.Э. Товарищества простое, полное и на вере. Научно-практический комментарий к ст. 276–317 ГК РСФСР и УССР*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Кооп. изд-ское т-во «Право и жизнь», 1928. 194 с.
37. Гражданский кодекс с постатейно-систематизированными материалами. Изд. 3-е переработанное и дополненное / Под общ. ред. С.В. Александровского; под ред. А. Ганина, С.А. Зайцева, В. Изволенского; с предисловием Я.Н. Бранденбургского. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1928. 1104 с.
38. Зимелева М.В. Глава 37. Договор товарищества // Агарков М.М. и др. Гражданское право. Учебник для юридических вузов. Коллектив ВИЮН. В 2-х т. Т. 2 / Отв. ред.: А.И. Миколенко, П.Е. Орловский; под ред. Перетерского И.С. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. С. 371–374.
39. Граве К. А. и др. Советское гражданское право в 2-х т. Т. 2: Учебник / Под общей ред. д.ю.н., профессора С.Н. Братуся. М.: Госюриздат, 1951. 495 с.
40. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Отдельные виды обязательств: Курс лекций. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. 531 с.
41. Поссе Е.А. Глава 42. Совместная деятельность // Иоффе О.С. и др. Советское гражданское право в 2-х т. Т. 2 / Под ред. О.С. Иоффе, Ю.К. Толстого, Б.Б. Черепахина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. С. 347–354.
42. Яковлев В.Ф. Глава 44. Совместная деятельность // Советское гражданское право в 2-х т. Т. 2 / Под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высшая школа, 1973. С. 309–313.

ABOUT A SIMPLE PARTNERSHIP AND ITS MAIN METAMORPHOSES IN THE LAW OF OBLIGATIONS OF RUSSIA

Y.L. Mareyew

This article could not have come to light and be of any interest for both theory and practice, if not for the changes in recent years that have occurred in the corporate law of Russia. It was they who served as the driving motive for writing this article, in which the author, discouraged by the sudden change of the legislator to a seemingly ordinary and already largely compromised design of a simple partnership in the field of corporate construction and corporate finance (an updated model of an investment partnership), did not dare to try to find the reasons for such a change in the systemic features of an ordinary simple partnership. This forced him to turn to the difficult history of the formation of this contractual obligation in the Russian legal system and, following some other (however, few) authors, led to the conclusion about the corporate nature of this contract, which alone allows explaining most of its «strange» features that distinguish it from synallagmatic contracts, and the cause of many fears, misunderstandings and conflicts related to its practical application.

Keywords: A simple partnership, a joint activity agreement, the construction of the *societas* of Roman law, the stages of formation of the construction of a simple partnership in the civil legislation of Russia.

References

1. Ketz H., Zweigert K. Introduction to comparative jurisprudence in the field of private law: In 2 vols. Vol. 1. Fundamentals. Trans. from German. M.: International Relations, 1988. 480 p.
2. Planiol M. *Traité élémentaire de droit civil / Marcel Planiol, Georges Ripert. T. 1: Principes généraux, personnes, biens* 3e éd. Paris: Librairie Générale de Droit et de Jurisprudence, 1946. XIV, 1292 p.
3. Zhernakov D.V. Chapter 53. Simple partnership // Civil law. Textbook in 2 vols. Vol. 2 2nd ed. reprint. and additional / Ed. B.M. Gongalo. M.: Statute, 2017. P. 482–487.
4. Sukhanov E.A. Chapter 54. Obligations from unilateral transactions and actions in someone else's interest // Civil Law. Vol. II: Half Volume 2 for universities / Ed. by E.A. Sukhanov. M.: Walters Kluwer, 2005. P. 342–358.
5. Sukhanov E.A. et al. Russian Civil Law: Textbook: in 2 vols. Vol. II. The law of obligations 2nd edition, stereotypical / Resp. E.A. Sukhanov. M.: Statute, 2011. 1208 p.
6. Shershenevich G.F. Course of commercial law. In 4 vols. Vol. 1. Introduction. Trade figures. SPb: Br. Bashmakov, 1908. IV, 515 p.
7. Leist B.W. *Zur Geschichte der römischen societates*. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1881. 56 S.
8. Danz H. *Lehrbuch der Geschichte des römischen Rechts Nachdruck der Ausgabe von 1873. Lizenzpflichtig. Vom Verlag als Druckwerk on demand und/oder als E-Book angeboten*. Norderstedt: Hansebooks GmbH, 2016. 216 S.
9. Sokolovsky P.E. Partnership agreement on Roman civil law. Kiev: Type University of St. Vladimir (V.I. Zavadsky), 1893. X, 304 p.
10. Dernburg G. *Pandekty. Vol. 2. The law of obligations* Per. ed. P. Sokolovsky. 2nd ed. M.: University Printing House, 1911. 490 p.
11. Efimov V.V. Feasible liability of the debtor. A study of *beneficium competentia*. St. Petersburg: V.S. Balashev Type, 1888. 306 p.
12. Dernburg, *Pandects. Vol. 1. General part: Textbook / Per. G. von Rechenberg; under the hands. and edited by P. Sokolovsky*. M.: University Printing House, Strastnoy Boulevard, 1906. 481 p.
13. Polenak-Akimovskaya M., Pukhan I. Roman law: Basic textbook: Translated from Macedonian: Textbook. M.: Zertsalo-M, 2003. 448 p.
14. Civil Code. Book five. Obligations. The project of the High. institution. Ed. comis. according to comp. civil code. Volume three. Ar. 505–718 with explanations: Collection of documents. St. Petersburg, 1899.
15. Eliseev I.V. Chapter 48. Simple partnership // Civil law: Textbook. Vol. 2. Fourth edition, reprint. and additional / Edited by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. M.: Prospect, 2003. P. 762–778.
16. Pobedonostsev K.P. Course of civil law. Part 3: Contracts and obligations: Textbook (Classics of Russian civil law). M.: Statute, 2003. 622 p.
17. Salkowski C. *Bemerkungen zur Lehre von den Juristischen Personen, insbesondere den sogenannten corporativen Societäten und Genossenschaften*. Leipzig: Tauchnitz, 1863. VIII, 69 S.
18. Lenel O. *Edictum perpetuum: ein Versuch zu dessen Wiederherstellung*. Leipzig: Tauchnitz, 1883. XXIV, 455 S.
19. Peretersky I.S. et al. Roman Private Law: Textbook / Ed. I.B. Novitsky, I.S. Peretersky. M.: Zertsalo Publishing House, 2012. 560 p.
20. The Code of Napoleon. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Codex_napoleon/Book_3/section_ix.
21. The Civil Code: The draft of the Most Highly established Editorial Commission for the drafting of the Civil Code. T 2 / Comp. Saatchian A.L.: Collection of documents / Ed. Tyutyumov I.M. St. Petersburg: Edition of the bookstore «Zakonovedenie», 1910. 1362 p.
22. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book five. Volume 1. Loan agreements, bank loans and factoring. Agreements aimed at creating collective entities. M.: Statute, 2006. 736 p.
23. Em V.S. Chapter 52. The contract of a simple partnership (on joint activity) // Civil law. Vol. II: Half Volume 2 for universities / Ed. by Doctor of Law, Professor E.A. Sukhanov. M.: Walters Kluwer, 2005. P. 304–327.
24. Borovikovskiy A.L. Civil laws (vol. X part 1) with explanations on according to the decisions of the Civil Cassation Department of the Government Senate. Ed. 11th. St. Petersburg: Type. A. Suvorin, 1904. 926, XL.
25. Sinaisky V.I. Russian civil law. Issue II. Obligation, inheritance and family law. Kiev: Type. R.K. Lubkovsky, 1915. 511 p.
26. https://zakon.ru/blog/2018/10/30/vavinforms_to_varishestva_prostoe_polnoe_i_na_vere_2-e_izd_1928.
27. Gulyaev A.M. Russian Civil law: Review of the current legislation and the draft Civil Code. Lecture notes 2nd edition, supplemented. St. Petersburg: Printing House of M.M. Stasyulevich, 1911. 472 p.
28. Kvachevsky A.A. About partnerships in general and joint-stock companies in particular, according to the principles of law, Russian laws and judicial practice. In the general store. Part 1: About partnerships in general / Ott. from « Journal of Civil and Criminal Law ». 1880, books 4–6. St. Petersburg: Type. Rules. Senate, 1880. 186 p.
29. Bashilov A. Informal partnerships and partnerships on shares // Journal of the Ministry of Justice. 1904. № 3–4. P. 36–56.
30. Meyer D. The contract of partnership on Russian law: From lectures // Journal of the Ministry of Justice. 1862. Book 4. P. 1–23.
31. Em V.S., Kozlova N.V. Chapter 52. The contract of a simple partnership (on joint activity) // Civil law. Textbook: In 2 vols. Vol. II. Half volume 2 / Ed. E.A. Sukhanova. M.: BEK, 2000. P. 304–327.
32. Schreter V.N. Soviet economic law. (Commercial and industrial law). M.–L: State Publishing House, 1928. 332 p.
33. Bevzenko R.S. 12-volume edition of the draft Civil Code of the Russian Empire with the motives of the developers. URL: https://zakon.ru/blog/2015/9/10/12tomnoe_izdanie_proekta_grazhdanskogo_ulozheniya_rossijskoj_imperii_s_motivami_razrabotchikov.
34. Tomsinov V. A. Development of the draft Civil Code and the development of the science of civil law in Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century // Legislation. M. 2015. № 2–12. 2016. № 1–7.

35. Ioffe O.S. The development of civilistic thought in the USSR. Part 1. L.: Publishing house of LSU, 1975. 160 p.

36. Vavin N.G., Worms A.E. Simple, complete and faith-based partnerships. Scientific and practical commentary to Articles 276–317 of the Civil Code of the RSFSR and the Ukrainian SSR – 2nd ed., ispr. and add. M.: Publishing house «Law and Life», 1928. 194 p.

37 The Civil Code with article-by-article systematized materials. Ed. 3rd revised and supplemented / Under the general ed.: Alexandrovsky S.V.; Ed. Ganina A., Zaitseva S.A., Izvolensky V.; With a preface by Brandenburgskogo J.N. M.: Legal Publishing House of the NKYU RSFSR, 1928. 1104 p.

38. Zimeleva M.V. Chapter 37. Partnership agreement // Agarkov M.M. et al. Civil law. Textbook for law schools. VIYUN collective. In 2 vols. Vol. 2 / Ed.: A.I.

Mikolenko, P.E. Orlovsky; Ed. Peretersky I.S. M.: Legal Publishing house of the NKYU of the USSR, 1938. P. 371–374.

39. Grave K.A. et al. Soviet Civil Law in 2 vols. Vol. 2: Textbook / Under the general editorship of Doctor of Law, Professor Bratus S.N. M.: Gosyurizdat, 1951. 495 p.

40. Ioffe O.S. Soviet civil law. Certain types of obligations: a course of lectures. L.: Publishing House of the Leningrad University, 1961. 531 p.

41. Posse E. A. Chapter 42. Joint activity // Ioffe O.S. et al. Soviet Civil Law in 2 vols. Vol. 2 / Ed. Ioffe O.S., Tolstoy Y.K., Cherepakhin B.B. L.: Publishing House of the Leningr. un-ta, 1971. P. 347–354.

42. Yakovlev V.F. Chapter 44. Joint activities // Soviet Civil Law in 2 vols. Vol. 2 / Ed. Krasavchikova O.A. M.: Higher School, 1973. P. 309–313.